

Беляев Дмитрий Анатольевич, Строкова Анастасия Владимировна

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ПРОЛЕГОМЭНЫ К НИЦШЕАНСТВУ И ИДЕЕ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

В статье реконструируются философские идеи в творчестве М. Ю. Лермонтова, прослеживается их идейное созвучие философии Ф. Ницше. Отдельно анализируется литературно-художественная экспликация Михаилом Юрьевичем идеи сверхчеловека. В заключение делается вывод, что Лермонтов закладывает основы концепт-образа нового культурного героя как выразителя идеи сверхчеловека, для которого характерны экзистенциально-онтологический эгоцентризм, метафизический фатализм и интенция к трансформации удела ценностной нормативности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 27-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 130.3

Философские науки

В статье реконструируются философские идеи в творчестве М. Ю. Лермонтова, прослеживается их идейное созвучие философии Ф. Ницше. Отдельно анализируется литературно-художественная экспликация Михаилом Юрьевичем идеи сверхчеловека. В заключение делается вывод, что Лермонтов закладывает основы концепт-образа нового культурного героя как выразителя идеи сверхчеловека, для которого характерны экзистенциально-онтологический эгоцентризм, метафизический фатализм и интенция к трансформации удела ценностной нормативности.

Ключевые слова и фразы: Лермонтов; сверхчеловек; Ницше; Печорин; «новый человек»; индивидуализм; ницшеанство; метафизический бунт.

Беляев Дмитрий Анатольевич, к. филос. н.

Строкова Анастасия Владимировна

*Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
dm.a.belyaev@gmail.com; energy959@yandex.ru*

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ПРОЛЕГОМЕНЫ К НИЦШЕАНСТВУ И ИДЕЕ СВЕРХЧЕЛОВЕКА

Творческое наследие М. Ю. Лермонтова оставило заметный след в отечественной культуре, вызвав как восхищение поэтическим дарованием писателя, так и полемику относительно ряда образов протагонистов и идейных посылов его литературных произведений. Михаил Юрьевич поднимает ряд сложных экзистенциальных, социально-аксиологических и бытийно-антропологических тем, формируя по-своему новый ценностно трансформированный образ современного/перспективного человека. В этой связи творчество Лермонтова может выступать объектом не только собственно литературоведческого и филологического рассмотрения, но и как часть широкого философского дискурса. Например, Л. Шестов, пытаясь раскрыть троп мысли С. Кьеркегора, прибегает к цитате из «Демона» русского писателя [13, с. 151]. Также отдельные интенции и концепт-образы творчества Лермонтова сопрягаются, в частности, с некоторыми воззрениями Ницше [3, с. 2]. Однако эта модальность исследования идейного наследия Михаила Юрьевича, к сожалению, не получила должной научной разработки.

В связи с этим целью нашей работы, основанной на методе историко-философской и компаративно семантической аналитики, является реконструкция отдельных философских идей в культурно значимых образчиках творчества М. Ю. Лермонтова, а также выявление точек их созвучия и близости философии Ф. Ницше.

Философский фокус зрения на творчество русского писателя сразу обнаруживает в нем интенцию к конкретному историческому обживанию и экспликации идеи сверхчеловека, формированию ее особого рефлексивного дискурса, прежде всего, как ценностного феномена, единицы пространства непосредственной и перспективной социокультурной практики. Она закрепила в концепте «новый человек» как символе духа социально-революционного обновленчества. Современный писатель Д. Л. Быков справедливо отмечает, что «вся русская литература нанизана на проблему сверхчеловека. Это то, что придет за человеком следом, новый эволюционный этап» [10]. И одним из выразителей темы сверхчеловеческого в ее социально-ценностной и экзистенциальной модальности был Лермонтов, неслучайно названный Д. С. Мережковским «поэтом сверхчеловечества» [7, с. 348].

Действительно, наиболее отчетливо тему «нового человека» в ее непосредственной когерентности с идеей сверхчеловека поднимает в своем творчестве именно М. Ю. Лермонтов.

Творчество Михаила Юрьевича стало этапным и знаковым в формировании идеи *аксиологического сверхчеловека* в русской культуре, которая получила развитие, в частности, у Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и Д. С. Мережковского. Примечательно, что В. С. Соловьев увидел в М. Ю. Лермонтове «отдаленного предка» Ф. Ницше, а самого писателя счел «близким к сверхчеловеку» [12, с. 334], одновременно «соблазненным демоном зла, жестокости, гордости и сладострастия» [11, с. 78]. Вообще аналитике идеи сверхчеловека и разысканию «сверхчеловеческого» в Лермонтове религиозный философ уделяет особое место. Основываясь на собственном религиозно-соборном понимании идеи *положительного* сверхчеловека, Соловьев пишет: «Гордость для человека есть первое условие, чтобы никогда не сделаться сверхчеловеком, и смирение есть первое условие, чтобы сделаться сверхчеловеком; поэтому сказать, что *гениальность обязывает к смирению*, значит только сказать, что гениальность обязывает становиться сверхчеловеком» [12, с. 344]. Именно гордость он считает главным «демоном» Михаила Юрьевича, мешавшим ему преодолеть «грех эгоизма» на пути к «подлинной» сверхчеловечности.

Отечественному философу вторит Н. К. Михайловский, отмечая, что Лермонтова «манила роль первого в своем роде человека» [8, с. 273]. Наконец, Д. С. Мережковский также обращает внимание на личность поэта, утверждая, что он осуществил «метафизический бунт» и остался единственным «не смирившимся» человеком в русской литературе [7, с. 354]. Этот бунт заключался в переосмыслении, в рамках литературно-художественного дискурса, социально ценностных оснований человеческого существования и формирования концепта «новый человек».

Здесь становится очевидна замеченная в свое время Соловьевым и Мережковским параллель между Лермонтовым и Ницше. Последний также совершает «переоценку ценностей», конструирует аксиологический открытый концепт превосходного сверхчеловека – „Übermensch“ [9, с. 82], используя для этого, что примечательно, околохудожественные метафоры и символы. Также в творчестве Михаила Юрьевича, как и у Ницше, заметна интенция к богоборческому бунту «против небесного Царя», которому он весьма дерзко бросает вызов [4, с. 851].

Чуткое экзистенциальное понимание Добра и Зла у Лермонтова уживалось, по мысли Вяч. Иванова, апеллировавшего к строфам самого писателя, с врожденной склонностью к разрушению [Там же, с. 852]. В свою очередь, Соловьев видит у русского писателя романтизацию и «ухищренное оправдание демонизма», фундированного практически принципом фатализма [12, с. 346]. Схожие оценки относились и к Ницше, воспринятого частью философско-религиозного дискурса «апологетом зла». Во многом они были обусловлены реакцией на созданные как русским поэтом, так и немецким философом концепт-образы «новых людей», преодолевающие устоявшиеся уделы социальной и ценностной нормативности в ее антропологической выраженности.

Итак, художественная экспликация идеи сверхчеловека наиболее целостно представлена в двух произведениях Лермонтова: романе «Герой нашего времени» и поэме «Демон». В каждой из этих работ формируется свое измерение актуализации «нового человека» как субъекта трансгрессивной интенции, выраженной в диалектике экзистенциальной практики метафизического бунта и фатализма.

В «Герое нашего времени» раскрывается социально-этический модус существования «нового человека». Здесь обращает на себя внимание само название романа. С одной стороны, именование «герой» было расценено рядом критиков как насмешка, ирония над главным протагонистом романа – Печориным, отличающемся на практике нарочитой негероичностью. С другой стороны, принимая авторскую серьезность этого именованья, адекватно отражающего статус Печорина, очевидна фиксация личностной исключительности протагониста. «Герой» – это всегда степень положительного превосходства некоторого удела нормальности. При этом Михаил Юрьевич уже в названии указывает на темпоральную контекстуальность героического статуса.

В этом романе Лермонтов, прописывая образ Печорина, явно продолжает линию, начатую Пушкиным в «Евгении Онегине». Несмотря на всю непохожесть творчества двух поэтов, типологический образ Онегина-Печорина для них является общим. Для обоих авторов «героем» становится социальный архетип «лишнего человека», который в этот исторический период, по мнению И. И. Виноградова, становится «господствующим типом человеческой личности» [2, с. 635]. Однако Лермонтов усиливает и радикализирует черты инаковости героя. Здесь необходимо обратить внимание на «говорящую» семантику имен персонажей. В данном аспекте фамилия Печорина также имеет прямые семантические коннотации-продолжения с фамилией Онегина. Как фамилия последнего образована от р. Онеги, так и фамилия «героя нашего времени» происходит от р. Печоры. Печора протекает севернее Онеги, и поэтому образ Печорина, созданный Лермонтовым, более индивидуалистичен, обособлен и в чем-то даже дик, *не-человечен*, нежели образ Онегина.

Помимо социальной инаковости, отрешенности главного героя, Лермонтов формулирует новую «героическую онтологию» бытийствования, пронизанную «фатальным нигилизмом» и своеволием. В этом смысле И. И. Виноградов справедливо отмечает глубокое философское содержание романа Лермонтова, особенно обращая внимание на его заключительную повесть «Фаталист» [Там же, с. 647]. Здесь Печорин предстает как рефлексирующий герой, размышляющий о современном ему «секулярном человеке», неспособном «к великим жертвам на блага человечества». Он отчетливо формулирует важнейшие проблемы атеистического мировоззрения – смысла (полноты) и аксиологического основания жизни без Бога. Герой приходит к выводу, что единственной, бесспорно-очевидной реальностью является собственное «Я». Оно же оказывается и единственным мерилем всех ценностей, а также единственным богом, «которому стоит служить». В итоге Печорин формулирует индивидуалистично-субъективный принцип человеческого существования – оценка мира возможна лишь через призму «отношения к себе». Он оказывается в состоянии абсолютной свободы, которая, по мнению И. И. Виноградова, является «свободой умирания человека в человеке» [Там же, с. 652]. Однако именно это умирание делает возможным рождение «нового человека», находящегося по ту сторону *человеческого*.

Но эта свобода от Бога и уз общества приводит Печорина лишь к скуке, почти метафизическому безразличию и апатии. В этой ситуации тема смерти получает особое звучание в экзистенциальных рефлексиях героя романа. Печорин для себя снимает проблему страха смерти. «Что ж? умереть так умереть: потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не идет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова? – прощайте!» [5, с. 338]. Однако преодоление страха смерти носит скорее негативный характер, т.к. на его место приходит ничто, абсорбирующее любые интенции.

Наконец, «герой нашего времени», отстраняясь от повседневно-деятельного пространства бытийствования, поднимает вопрос об «идее зла», ее отношении к действительности и аксиологической диспозиции как возможной поведенческой стратегии. Например, В. М. Маркович считает, что максимализм Печорина приводит к тому, что он «сознательно избирает зло своим жизненным принципом», т.к. добро, в понимании главного героя, не обладает необходимыми признаками совершенства [6, с. 659]. Именно с образа Печорина, по мнению целого ряда исследователей, Лермонтов открывает новое измерение как в русской литературе, так и во всей духовной культуре – дискурсивное измерение «апологии зла». Писатель фиксирует, что «зло» как поведенческая стратегия и мировоззренческая позиция имеет свои основания, подчас более весомые для «нового человека», чем «добро». Тем самым Лермонтов имплицитно инициирует переоценку ценностей, трансформацию аксиологии «традиционного человека».

Тема переосмысления метафизики зла продолжается Лермонтовым в поэме «Демон». Неслучайно в 1901 г. в журнале «Богословский вестник» сверхчеловек Ницше был соотнесен с духом зла Лермонтова из его «Демона». Действительно, в «Демоне» можно выделить целый ряд идейно близких ницшеву сверхчеловеку мотивов. Во-первых, в поэме ярко выражен образ романтизированного богоборчества и героического индивидуализма. Во-вторых, через героя-демона автор демонстрирует возможность органического, естественного существования зла как осознанно выбранного модуса бытийствования. В-третьих, русский поэт подчеркивает онтологическую фатальность существования зла, которая не может быть преодолена даже любовью. Наконец, в-четвертых, Лермонтов осуществляет апологию демонического начала и героизацию «трагедии демона», что, например, позволяет Соловьеву назвать его «демоном нечистоты» [12, с. 344].

В заключение можно сделать вывод, что Лермонтов создает образ «демонического героя» как нового культурного героя, в котором намечается радикальная переоценка социально-поведенческих стратегий и этических ценностей. «Новый человек» Михаила Юрьевича в ряде своих черт и характеристик созвучен ницшеву сверхчеловеку как богоборец, экзистенциально-онтологический эгоцентрик и «апологет зла», имеющий потенции к аксиологической субъектности. Однако концепт-образ Лермонтова апатичен и стремится к ничто. В итоге Михаил Юрьевич вносит заметный вклад в формирование концепта «новый человек», его социально-негативистского и «демонического» модусов. Все это выступает актуальным антропологическим измерением настоящего/будущего человека и создает перспективы новых модальностей культурной экспликации идеи сверхчеловека.

Список литературы

1. **Беляев Д. А.** Генезис осмысления и художественной экспликации идеи сверхчеловека Д. С. Мережковским // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29). Ч. 1. С. 25-28.
2. **Виноградов И. И.** Философский роман Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 634-657.
3. **Закржевский А.** Лермонтов и современность. Киев, 1914. 164 с.
4. **Иванов В. И.** Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 846-862.
5. **Лермонтов М. Ю.** Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Воскресенье, 2002. Т. 6. С. 212-366.
6. **Мануйлов В. А.** Можно ли назвать Печорина сознательным поборником зла? // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 658-667.
7. **Мережковский Д. С.** М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 348-386.
8. **Михайловский Н. К.** Герой безвременья // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 265-294.
9. **Ницше Ф.** Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М., 2007. Т. 4. Так говорил Заратустра. 432 с.
10. **Особое мнение: Дмитрий Быков, Михаил Успенский** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/913006-echo/> (дата обращения: 06.10.2016).
11. **Синеокая Ю. В.** Проблема сверхчеловека у Соловьева и Ницше // Вопросы философии. 2002. № 2. С. 69-80.
12. **Соловьев В. С.** Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2002. С. 330-347.
13. **Шестов Л.** Киргегард и экзистенциальная философия (глас вопиющего в пустыне). М., 1992. 304 с.

PHILOSOPHICAL MOTIVES IN M. LERMONTOV'S CREATIVE WORK: PROLEGOMENA TO NIETZSCHEANISM AND THE IDEA OF THE SUPERMAN

Belyaev Dmitrii Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy

Strokova Anastasiya Vladimirovna

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

dm.a.belyaev@gmail.com; energy959@yandex.ru

The article reconstructs philosophical ideas in M. Lermontov's creative work, and observes their ideological consonance with F. Nietzsche's philosophy. The literary and artistic explication of the superman idea by Mikhail Yurevich is analyzed separately. The conclusion is made that Lermontov laid the foundation for the concept-image of a new cultural hero as an exponent of the superman idea, who is characterized by existential-ontological egocentrism, metaphysical fatalism and intention to the transformation of value normativity purview.

Key words and phrases: Lermontov; superman; Nietzsche; Pechorin; "new individual"; individualism; Nietzscheanism; metaphysical rebellion.